

Ожерелье королевы

Интриганка Жанна де Валуа, заручившись поддержкой кардинала Луи де Рогана, затевает грандиозную аферу. Представившись доверенным лицом королевы Марии-Антуанетты, она получает дорогостоящее кольцо, которое изготовили ювелиры Бемер и Босанж. Но заговорщики даже не догадываются, что ими, словно марионетками, руководит известный авантюрист Джузеппе Бальзамо...

ОЖЕРЕЛЬЕ

Королевы

Александр Дюма

Александр Дюма
Ожерелье королевы

Р^{оман}

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2019

© DepositPhotos.com / Andrey Kuzmin, обложка, 2013
© Shutterstock.com / Triff, обложка, 2013
© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2019
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

ISBN 978-617-12-7336-8 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Дюма А.

Д96 Ожерелье королевы : роман / Александр Дюма. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 704 с.

ISBN 978-617-12-6878-4

УДК 821.133.1

Уважаемые правообладатели!

Мы приняли все возможные меры, чтобы найти вас и договориться о приобретении прав на использование в нашей книге переведенных вами текстов. Однако информация по этому вопросу отсутствует.

Пожалуйста, по вопросам предъявления авторских прав на перевод размещенных в книге романов обращайтесь в издательство «Книжный Клуб “Клуб Семейного Досуга”» (тел. 057-783-88-89).

Дизайнер обложки Татьяна Коровина

В оформлении обложки использован фрагмент картины «*Вид на Париж с Нового моста*», *Николя Жана Батиста Рагене*, 1763 г.

Ожерелье королевы

Пролог

Глава 1

Два старика

На дворе стоял апрель 1784 года.

В начале четвертого часа старый маршал Ришелье — которого читатель, несомненно, помнит, — подвел брови душистой помадой, отвел в сторону зеркало, попутно смахнув в сторону камердинера, — этот новый слуга занял место прежнего, верного Рафте, по крайней мере, занял это место в доме, но отнюдь не в сердце маршала, — тряхнул головой и в одной только ему присущей манере произнес:

— Кажется, готово.

Он поднялся с кресла, кокетливо и стремительным, юношеским жестом смахнул остатки пудры, случайно попавшей на синие бархатные штаны.

По-бальному вытягивая носки, он прошелся по туалетной комнате.

— Метрдотеля ко мне! — распорядился он.

На зов явился метрдотель, разодетый как положено.

Маршал тотчас сделал суровое лицо.

— Как обстоят дела с обедом? — осведомился он. — Надеюсь, хорош?

— Без сомнения, ваша светлость.

— Список моих гостей у вас, полагаю?

— Разумеется, ваша светлость. Девять приборов.

— Учти, приборы должны соответствовать моменту.

— Именно так, ваша светлость, однако...

Маршал остановил метрдотеля быстрым, нетерпеливым жестом.

— «Однако»! Всякий раз, как я слышу это слово — а за восемьдесят восемь лет, которые я прожил по милости Господа, я слышал его тысячи раз! — я знаю заранее: всякое «однако» неизбежно влечет за собою какую-либо глупость.

— О, ваша светлость!..

— Ладно. В котором часу ожидается обед?

— Два часа — время обеда для буржуа, три часа — для судейских, четыре — для дворян.

— Гм. А для меня?

— Полагаю, ваша светлость обедает в пять.

— Гм. В пять?

— Как я и сказал, ваша светлость. Короли также обедают в пять.

— Короли?

— В списке гостей, который я счастлив был получить от вашей светлости, указан король.

— А вот и ошиблись: все мои гости — обычные дворяне.

— Ваша светлость оказывает мне честь, пошутив над своим покорным слугой; не могу выразить, как я счастлив этим обстоятельством! И тем не менее я убежден в том, что «граф Гаагский», один из гостей вашей светлости, — это его величество.

— И что с того?

— Граф Гаагский — король, — настаивал метрдотель.

— Понятия не имею, о чем это ты. Не существует короля с таким именем.

Метрдотель низко поклонился.

— Простите, ваша светлость, но я имел в виду, что... Я думал...

— Я плачу тебе вовсе не за то, чтобы ты думал. «Иметь в виду» — не твоя работа. Ты обязан исполнять мои распоряжения, а не комментировать их. Если я хочу довести нечто до твоего сведения, я так и говорю. А раз я о чем-то умолчал, значит, нечто должно оставаться в секрете.

Вместо ответа слуга снова поклонился, да так почтительно, словно перед ним находилась коронованная особа.

— Таким образом, — продолжал маршал, — повторяю: поскольку гости мои — обычные дворяне, то и обед подавай в обычное время, то есть в четыре.

Метрдотель побелел так, словно маршал огласил ему смертный приговор.

— Да будет на все воля Господня и вашей светлости, — молвил он отчаянно, как человек, которому нечего терять, — но обед будет подан в пять, и ни минутой раньше, и будь я проклят, если произойдет иначе.

— Как это так? — закричал маршал, выпрямляясь, как палка.

— Иначе никак невозможно, ваша светлость.

— Сколько лет ты у меня служишь? — маршал скорчил гримасу. Его лицо, удивительно молоджавое для столь преклонного возраста, исказилось.

— Двадцать один год, один месяц и две недели, ваша светлость.

— Ни единого дня, ни единого часа, ни минуточки не прибавишь ты к этим двадцати одному году, одному месяцу и двум неделям! — закричал старик, сдвинув надушенные брови и кусая накрашенные губы. — С нынешнего вечера ищи себе нового господина! Никогда не слышал я еще слова «невозможно», произнесенного в моем доме! И я слишком стар — у меня нет времени привыкать к этому.

— Нынче же вечером я покину вашу светлость, — бесстрастно произнес метрдотель, вновь склоняясь в почтительном поклоне, — однако до последней секунды клянусь служить вам с надлежащим тщанием.

Он попятился к двери, не решаясь повернуться к своему господину спиной.

— Что ты имел в виду этим своим «с надлежащим тщанием»? — закричал маршал. — В моем доме все происходит с надлежащим тщанием, и никак иначе! Я желаю обедать в четыре, и приложи свое надлежащее тщание к тому, чтобы я пообедал именно в четыре.

— Ваша светлость, — отвечал метрдотель, — доводилось мне служить у принца Субиза экономом, был я и управляющим у принца-кардинала Луи де Рогана. У его высочества де Субиза король Франции изволил обедать раз в году. У монсеньора де Рогана ожидали к обеду короля Австрийского раз в месяц. Навещая принца Субиза, Людовик XV тщетно пытался именовать себя «барон де Гонес», короля всегда видать. Столуясь у господина де Рогана, император Иосиф без всякого успеха назывался «графом Пакенштейном» — как я уже сказал, император есть император. Ныне ваша светлость изволит принимать у себя гостя, которому вздумалось взять имя «графа Гаагского» — что

бы ни случилось, а останется он королем Шведским. Итак, либо я покину господина маршала, либо граф Гаагский будет принят как король.

— Упрямое создание, именно это я тебе и запрещаю. Граф Гаагский намерен оставаться инкогнито в самом полном значении этого слова. Черт тебя подери! Жалкий тщеславный повелитель ножей и вилок, мне знакомо твое упрямство. Перед короной ли ты склоняешься? Не себя ли желаешь прославить, задав «королевский обед» и похваляясь нашим богатством?

— Поверить не могу, что ваша светлость упомянула в разговоре столь низменный предмет, — заметил метрдотель с весьма кислым видом.

— Деньги? — вспыхнул маршал. — Да кто здесь говорит о деньгах? Нечего увиливать от прямого ответа. Повторяю: никаких толков о королях, императорах и коронах!

— О, ваша светлость, я отнюдь не так глуп, как угодно считать вашей светлости. Ни ползвучка о королях, императорах и коронах.

— Итак, довольно упираться: обед будет подан в четыре.

— Никак не возможно, ваша светлость.

— Почему?

— В четыре мне еще не привезут одну вещь, которую я ожидаю.

— Какую вещь? Или ты, подобно Вателю, помешан на рыбе?

— Ох уж этот господин Ватель, — вздохнул метрдотель.

— Сравнение с Вателем тебя расстраивает?

— Отнюдь. Ватель обрел бессмертие, когда нанес себе плачевный удар шпагой.

— Возможно, ты полагаешь, что он отдал за свою славу слишком высокую цену?

— И в мыслях не было, ваша светлость. Но сколько подобных мне страдает от бедствий и унижений, многократно более тяжелых, нежели удар шпагой, и все-таки не обретает и толики бессмертия.

— Для бессмертия следует либо сделаться академиком, либо умереть.

— Пожалуй, я предпочел бы оставаться живым и на службе у вашей светлости. Если бы его высочество принц Конде оказался достаточно терпелив, чтобы подождать то рыбное блюдо еще полчаса,

Ватель служил бы ему верой и правдой до сих пор — вместо того, чтобы лежать в луже крови.

— Кажется, мне обещаны чудеса? Ну ты и кудесник.

— Вовсе нет, ваша светлость, никаких чудес не предвидится.

— Так чего же ты ожидаешь?

— Угодно услышать ответ?

— Разумеется, любопытство меня так и гложет.

— Что ж, отвечу, пожалуй: бутылку вина.

— Объяснись! Это становится все интереснее и интереснее.

— Что ж, извольте. Его величество король Шведский... То есть, я хотел сказать, граф Гаагский... Так вот, известно, что граф пьет исключительно токайское.

— Разве в моих винных погребах не сыщется бутылки токайского? Не думаю, чтобы я настолько обнищал! А если это так, то эконома следует рассчитать немедленно.

— О нет, ваша светлость, думаю, там осталось еще бутылок шестьдесят.

— Ты считаешь, что граф опорожнит за обедом шестьдесят одну бутылку?

— Умоляю, ваша светлость, будьте же терпеливы. В первый свой визит во Францию граф Гаагский являлся лишь наследным принцем. В те дни доводилось ему обедать у покойного короля, а тот как раз получил двенадцать бутылок токайского от его величества австрийского императора. Вы, конечно, знаете, что токайское оставляют исключительно для императорских запасов и даже короли не пьют молодое вино — пока не получают его лично от его величества императора Австрии?

— Да, да. Продолжай.

— Продолжаю, ваша светлость. Было двенадцать бутылок токайского, и молодой принц отведал этого вина и счел его восхитительным. Нынче осталось лишь две бутылки.

— Вот как!

— Да, и одна до сих пор находится в погребах его величества Людовика XVI.

— А вторая?

— Вторая? — на лице метрдотеля появилась торжествующая улыбка. Близился миг триумфа. — Вторая была похищена!

— Кем?

— Одним из моих друзей. Это эконо́м покойного короля. Видите ли, ваша светлость, он многим мне обязан.

— И эта бутылка?..

— Была передана мне, ваша светлость, — закончил метрдотель.

— Как ты с ней поступил?

— Поместил ее в винном погребе моего господина.

— Твоего господина? И кто же был тогда твоим господином?

— Его светлость принц кардинал Луи де Роган.

— В Страсбурге?

— В Саверне.

— Так ты послал туда за этой бутылкой ради меня! — воскликнул старик.

— Именно, ваша светлость, ради вас, — отвечал метрдотель таким тоном, словно желал упрекнуть старого маршала в самой черной неблагодарности.

Герцог де Ришелье схватил его за руку.

— Ты — король метрдотелей!

— Кажется, ваша светлость желал прогнать меня? — метрдотель передернул плечами.

— Ты получишь от меня сто пистолей за эту бутылку!

— Кстати, еще сто пистолей — на дорожные расходы. В общей сложности — двести пистолей. Практически даром, не так ли, ваша светлость?

— Согласен с любой белибердой, которую ты скажешь. И кроме того, с сегодняшнего дня я намерен удвоить твое жалованье.

— О, не стоит, ваша светлость. Я лишь выполнял свой долг.

— Кстати, скоро ли явится сюда ваш нарочный, оцененный нами в сто пистолей?

— Полагаю, это нетрудно подсчитать. Когда ваша светлость распорядился насчет обеда?

— Три дня назад.

— Если нарочный поскачет во весь опор, ему потребуется день, чтобы добраться до места, и еще день, чтобы вернуться обратно.

— Остается еще один день. Как же ты употребил эти двадцать четыре часа?

— К несчастью, ваша светлость, я их потерял. Мысль о той заветной бутылке вина пришла мне в голову лишь через день после того, как я увидел список гостей. Итак, подсчитаем имеющиеся у нас часы и увидим, что попросив об отсрочке до пяти, я лишь просил о самом необходимом.

— Так бутылка еще не доставлена?

— Увы.

— О мой Бог! А если твой визави из Саверна предан его светлости принцу де Рогану так же неистово, как ты предан мне?

— И что с того?

— Вдруг он откажется отдать бутылку? Сдается мне, за свою ты дрался бы, как лев.

— Я?

— Конечно, ты! Ты же не отдал бы такую бутылку, если бы она случайно оказалась в моем погребе?

— Нижайше прошу прощения, ваша светлость, но если бы один из моих собратьев-метрдотелей, которому предстояло бы угощать короля, попросил у меня лучшую бутылку из ваших погребов, я отдал бы ему ее не задумываясь.

— Так, значит! — маршал покривил губы.

— Оказывая помощь другим, спасаешь самого себя, ваша светлость.

— Гм. Я почти успокоился, — фыркнул маршал. — Однако осталась еще одна опасность.

— Какая же, ваша светлость?

— Вдруг бутылка разобьется?

— Всемирная история не ведает случаев, чтобы бутылка стоимостью в две тысячи ливров была разбита, ваша светлость.

— Что ж, я ошибался во всем. Оставим эту тему. В котором часу ты ожидаешь прибытия нарочного?

— Ровно в четыре.

— И что может помешать нам сесть за стол в четыре? — настаивал маршал. Поистине, упрямством он мог бы сравниться с испанским мулом, подумал метрдотель.

— Вину нужен по меньшей мере час, чтобы отстояться. Это крайний срок — я изобрел специальный метод для ускорения процесса. В противном случае потребовалось бы дня три, не меньше.

Маршал сдался и в знак поражения поклонился метрдотелю.

— Следует учитывать, — добавил тот, — что гости вашей светлости, осведомленные о присутствии столь высокой особы, то есть графа Гаагского, явятся в четверть пятого.

— Кажется, ты внес какое-то новшество в мой обед?

— Именно так, ваша светлость. Насколько я помню, имена гостей — маркиз де Лоне, графиня Дюбарри, господин де Лаперуз, господин де Фавра, господин де Кондорсе, господин Калиостро и господин де Таверне.

— Я знаю, как зовут моих гостей.

— В таком случае рассмотрим их по порядку, ваша светлость. Господин де Лоне направится к нам из Бастилии. Дороги еще покрыты льдом, следовательно, дорога из Парижа займет часа три езды.

— Он покинет Бастилию сразу после того, как узникам будет принесен обед. Обедают же узники в двенадцать. Уж я-то осведомлен об этом!

— Прошу меня извинить, ваша светлость. Однако с той поры, как ваша светлость почтила своим присутствием Бастилию, час обеда узников переменялся. Теперь Бастилия обедает в час.

— Каждый день приносит нам новые познания, — молвил маршал. — Продолжай.

— Графиня Дюбарри едет к нам из Люсьенн. Ей предстоит спускаться под гору, а дороги, как уже было сказано, покрыты льдом.

— Но что помешает ей прибыть вовремя? Она всего-навсего любовница герцога и строит из себя королеву только перед мелкопоместными баронами. Пойми же, я желаю обедать рано, поскольку сегодня вечером господин де Лаперуз отбывает, — а уж он-то точно не захочет опаздывать.

— Господин Лаперуз, ваша светлость, прямо сейчас находится у короля. Он ведет беседу с его величеством о географии и космографии. Король наверняка задержит господина де Лаперуза.

— Не исключено.

— Наверняка, ваша светлость! Та же участь ожидает и господина де Фавра, который в эти минуты находится у графа Прованского. Несомненно, тот завел увлекательный разговор о пьесе господина Пьера Карона де Бомарше.

— Ты имеешь в виду «Женитьбу Фигаро»?

— Ее, ваша светлость.

— Кажется, ты весьма осведомленный человек?

— Теряя время, я предаюсь чтению, ваша светлость.

— Однако вернемся к моим гостям. На очереди господин де Кондорсе. Уж он-то, будучи математиком, вряд ли откажется от удовольствия похвастаться своей пунктуальностью.

— Не сомневаюсь в том, что он погрузится в расчеты, а когда все цифры у него сойдутся, он обнаружит, что опоздал на полчаса. Остается еще граф Калиостро, иностранец. В Париже он недавно, но версальскую жизнь изучил достаточно хорошо — он наверняка заставит себя ждать.

— Итак, — вздохнул маршал, — все гости перечислены, кроме Таверне.

Метрдотель наклонил голову.

— Я не коснулся господина де Таверне, потому что он — старый друг, а старый друг будет придерживаться обычаев, принятых в вашем доме. Итак, ваша светлость, на стол будет поставлено девять приборов.

— Все верно. Где ты намерен накрывать на стол?

— В большой столовой, ваша светлость.

— Мы там окоченеем от холода и умрем.

— Я топлю там уже три дня, ваша светлость. Сейчас там восемнадцать градусов тепла.

— Превосходно!

Часы пробили половину пятого.

— Половина! — вскричал маршал.

— Да, ваша светлость, и вот, прошу заметить: во дворе появилась лошадь, а вместе с нею — и бутылка токайского.

— Хотел бы я, чтобы ты служил мне верой и правдой еще двадцать лет, — произнес старый маршал, бросив на себя взгляд в зеркало.

Чей-то смеющийся голос прервал его:

— Двадцать лет! Дорогой мой друг, от всей души желаю вам прожить эти двадцать лет, но ведь тогда я буду чересчур стара для вас — ведь мне стукнет шестьдесят!

— Графиня! — вскричал маршал. — Вы первая! Как вы свежи, как красивы!

— Я просто замерзла.

— Прошу в будуар.

— Как, старый шалун? Вы намерены остаться со мной наедине?

— Отнюдь, — прозвучал чей-то хриплый голос, — мы будем там втроем.

— Таверне! — воскликнул маршал. И шепнул графине на ухо: — Черт бы его побрал! Он помешал нам.

— Разбойник! — прошептала в ответ графиня Дюбарри и громко рассмеялась.

Все трое направились в соседнюю комнату.

Глава 2

Лаперуз

Сразу несколько экипажей простучали колесами по засыпанной снегом мостовой, и вскоре девять человек уже рассаживались за овальным столом в большой столовой.

Прошло минут десять, и у гостей сложилось впечатление, будто кроме них в столовой никого нет: бесшумно двигавшиеся слуги, глухие и немые, казались какими-то тенями.

Первым нарушил молчание Ришелье. К этому моменту гости как раз закончили справляться с супом.

Маршал наклонился к соседу справа и осведомился у него:

— Граф, вы ничего не пьете?

Граф Гаагский взял стакан и посмотрел сквозь него на пламя свечей.

Жидкий рубин искрился в хрустальном стакане.

— Благодарю, господин маршал, — произнес он. — И впрямь, я забыл о вине.

Он произнес свою реплику так ласково и просто, что присутствующие были растроганы. Не в силах сдерживаться, они поднялись с мест и дружно воскликнули:

— Да здравствует король!

— Абсолютно согласен! — подхватил граф Гаагский. — Да здравствует король Франции! Как вы считаете, господин де Лаперуз?

Лаперуз поднял свой стакан и поклонился.

— Мы все готовы пить за здоровье того, о ком вам угодно было заговорить, — произнесла графиня Дюбарри, другая соседка маршала. — Однако следует, чтобы ваш тост поддержал старейшина — как выразились бы на заседании Парламента.

Господин де Фавра отвечал:

— Объявляю старейшиной за этим столом прекрасное вино, которое граф наливает сейчас в свой бокал!

— Согласен, господин де Фавра, — кивнул граф. — Это двадцатилетнее токайское. И именно ему принадлежит честь быть выпитым за здоровье короля.

— О да, господа, подтверждаю, — перебил Калиостро. Его широкое волевое лицо светилось недюжинным умом.

— Подтверждаете что? — удивились гости.

— Право токайского на старшинство, — пояснил Калиостро. — Ведь я сам запечатывал эту бутылку.

— Вы?

— Разумеется. Это произошло в тысяча шестьдесят четвертом году, в день победы Раймундо Монтекукули над турками.

Эти слова были встречены дружным взрывом хохота. Калиостро, однако, держался с необычайной серьезностью.

— У вас было сто тридцать лет на то, чтобы проделать это, — заметила графиня Дюбарри.

— Вижу, вы сомневаетесь, — ответил Калиостро. — Всю жизнь мне приходится бороться с недоверием людей. И хотя события подтверждают мою правоту, люди продолжают — себе в ущерб — игнорировать мои предупреждения. Разве не советовал я Филиппу Валуа открыть Эдуарду убежище Давида Шотландского? Но увы, он отказался; а последствия?.. Клеопатра отвергла самую мысль о поражении Антония. Не вняли меня и троянцы, когда я толковал им о деревянном коне. «Слушайте Кассандру, она — пророчица!» — твердил я, но они как будто обезумели.

— Дорогой граф, если вы продолжите в том же духе, то сведете с ума беднягу Таверне, — остановил его Ришелье. — Он до ужаса боится смерти. Вы и так перепугали его, ведь он всерьез считает вас бессмертным. Ну-ка признавайтесь-ка лучше, правда это или нет?

— Вы хотите знать, бессмертен ли я?

— Именно, бессмертны ли вы.

— Ничего не знаю об этом. Но мне известно иное.

— Что? — жадно спросил Таверне.

— Я знаю, что видел все те события, о которых говорил, и всех тех людей, которых упоминал.

— В любом случае, тайна вечной молодости вам открыта, — добавила графиня Дюбарри. — Вам не менее четырех тысяч лет от роду, а выглядите вы лишь на сорок.

- Вы правы, графиня, я владею тайной вечной молодости.
- Расскажите подробнее!
- Нет ничего проще, вы же сами пользовались моим средством.
- Каким еще средством?
- Эликсиром.
- Я? Эликсиром? О чем это вы?

— Ах, графиня, графиня! Помните дом на улице Сен-Клод? Вы оказали услугу одному из моих друзей. Его звали Джузеппе Бальзамо. В знак благодарности он преподнес вам флакон эликсира с советом принимать каждое утро по три капли. Вы следовали этому указанию до недавнего времени, когда эликсир у вас закончился.

— Господин Калиостро, вы говорите о вещах...

— ...которые известны лишь вам одной, знаю. Что поделать, я же чародей, а плох тот чародей, который не знает секретов ближнего своего.

— Стало быть, у Джузеппе Бальзамо был рецепт этого чудодейственного эликсира?

— Поскольку он — один из лучших моих друзей, я подарил ему несколько флаконов, только и всего.

— Бог мой! — вскричала графиня. — Но если у вас, господин Калиостро, действительно есть власть выбирать себе возраст, то почему вы захотели стать сорокалетним? Не лучше ли было выбрать двадцать лет?

Калиостро улыбнулся:

— Графиня, графиня... Не пристало мне быть зеленым юнцом. Куда больше я нравлюсь себе сорокалетним мужчиной — зрелым и рассудительным.

— Вот оно что, — прошептала графиня.

— В двадцать лет мы нравимся тридцатилетним женщинам, — продолжал Калиостро, — зато в сорок легко похищаем сердца двадцатилетних.

— Вы победили! — заявила графиня. — Нет никакой возможности переспорить живое доказательство собственной правоты.

— В таком случае, — заговорил Кондорсе, — вы лучше любой теоремы доказываете нам...

— Что я вам доказываю, маркиз?

— Не только возможность вечной молодости, но и самую бесконечность жизни как таковой. Если вам было сорок во времена Елены Троянской, следовательно, вы никогда не умирали.

— Именно так, маркиз. Признаюсь: умирать мне еще не приходилось.

— Тем не менее в отличие от Ахиллеса вы вовсе не остаетесь неуязвимым... Впрочем, прошу прощения, я ошибся: Ахиллес не был неуязвимым, коль скоро стрела Париса поразила его в пятку.

— К величайшему моему сожалению, неуязвимым я не стал, — отвечал Калиостро.

— И как же вам удавалось избегать несчастных случаев на протяжении почти четырех тысяч лет?

— Привычка жить и большой опыт — ничего более. С первого же взгляда мне становятся ясны прошлое и будущее всех людей, которых я встречаю. Я фактически не ошибаюсь, причем не только с людьми, но и с животными, и даже с неживой материей. Что видите вы, когда видите карету? Только карету. А я по внешнему виду лошадей уже могу предсказать, понесут они или нет. Лицо кучера объявит мне, способен ли он опрокинуть карету или же спокойно доведет ее до места. Если я сажусь на корабль, то определяю по лицу капитана, что тот — невежда или упрямец, а раз так, то вряд ли он сумеет вовремя произвести необходимый маневр, когда в том возникнет нужда. И если приметы твердят мне об опасности, я всего лишь избегаю этого кучера и этого капитана. Я вовсе не отрицаю: случай имеет определенное значение, но я уменьшаю роль случая в моей жизни елико возможно больше. Любой человек дал бы случаю все сто шансов, я же отнимаю у него по крайней мере девяносто девять. Остается сотый, и тут я настороже. Вот чему я научился за прожитые тысячелетия.

— Коли так, дражайший мой пророк, — со смехом проговорил Лаперуз, в то время как вокруг восхищались услышанным, — раз так, то вам следует отправиться со мной к тем кораблям, на которых я отбываю в мое кругосветное путешествие. Таким образом, вы оказали бы мне немалую услугу.

Калиостро молчал.

— Что ж, господин маршал! — продолжал мореплаватель, не унимая своего веселья. — Кажется, граф Калиостро не намерен оставлять столь прекрасное общество. Я очень хорошо понимаю его,

однако мне придется сейчас вас покинуть. Прошу прощения у его сиятельства графа Гаагского и у вас, дорогая графиня, но уже семь часов, а я дал слово королю сесть в карету не позже четверти восьмого. Ну, раз граф Калиостро не поддастся искушению глянуть на мои корабли, пусть он, по крайней мере, предречет мне будущее. Граф! Что ожидает меня на пути от Версаля до Бреста? О том, каков будет путь от Бреста до полюса, можете ничего не говорить — это уж моя забота. Но черт побери! Дайте мне толковый совет, как лучше проехать от Версаля до Бреста, раз уж вы прорицатель.

Калиостро вновь устремил взор на Лаперуза. Глаза его были печальны, лицо озарилось ласковой грустью, и это тяжело отозвалось в сердцах всех собравшихся. Один только мореплаватель не обратил на это внимания: он пожимал руки и обменивался дружескими объятиями.

Перед графом Гаагским он склонился в почтительном поклоне, старому маршалу протянул руку:

— Прощайте, любезный мой Лаперуз, — молвил маршал.

— Нет, герцог, не следует говорить «прощайте», скажите лучше — «до свидания», — поправил его Лаперуз. — А то ваши друзья подумают, будто я отправляюсь навстречу вечности. Кругосветное путешествие, полагаю, займет не более пяти лет. Так что не следует прощаться навсегда.

— Пять лет? — перебил маршал. — В таком случае вы с легкостью могли бы говорить и о пяти веках! В моем возрасте каждый прожитый день равносителен году, вот я и говорю вам — «прощайте»!

— Да вы спросите у нашего пророка, он наобещает вам еще лет двадцать самое малое, — засмеялся Лаперуз. — Не так ли, господин Калиостро? Ну, до свидания, до свидания!

И он покинул комнату.

Калиостро по-прежнему хранил зловещее молчание.

Простучали бодрые шаги капитана — он спускался по ступенькам; со двора донесся его веселый смех; затем все стихло.

Словно по команде, все повернулись к Калиостро.

Его лицо озаряло особое вдохновение, какое, быть может, некогда древние израильтяне видели на лицах своих пророков.

На несколько минут воцарилась странная тишина.

Первым разрушил ее граф Гаагский.

— Почему вы не дали никакого ответа господину Лаперуз, господин Калиостро?

Калиостро вздрогнул, словно выдернутый из глубокого сна.

— Потому что мне пришлось бы солгать.

— Как так?

— Или же сказать ему: «Господин де Лаперуз! Герцог де Ришелье был совершенно прав, когда говорил вам не «до свидания», а «прощайте»!

— Проклятье, Калиостро! — побледнел Ришелье. — Вы говорите о Лаперузе?

— О, успокойтесь, — с живостью остановил его Калиостро, — мое предсказание действительно печально — но не для вас.

— Не может быть! — воскликнула графиня Дюбарри. — Милый, милый Лаперуз, он так ласково поцеловал мне руку...

— Никогда более не целовать ему вашей руки, сударыня, — сказал Калиостро, не сводя глаз со своего бокала, до краев наполненного водой. — Скажу еще: никогда более не видеть ему тех, кого покинул он нынче вечером.

Никто не смог сдержать удивленного восклицания.

— Скажите же, — настаивала графиня Дюбарри, — что ожидает нашего бедного милого Лаперуза.

— Как сообщил нам господин де Лаперуз, он уезжает с намерением совершить кругосветное путешествие. Он хочет продолжить маршрут несчастного капитана Кука. Вам известно, что тот был убит на Сандвичевых островах. У нас имеются все основания предрекать успех новому путешествию: господин Лаперуз — превосходный моряк, маршрут его определен рукой самого короля Людовика XVI.

— Полагаю, и экипаж его хорош! — вставил Ришелье.

— Несомненно, — кивнул Калиостро. — И капитан второго корабля, господин Лангль, — мореход выдающийся. Я так явственно вижу его перед собой: молодой, склонный рисковать и, к несчастью, весьма отважный.

— Как это — «к несчастью»?

— Я пытаюсь высмотреть этого человека в толще времени, но уже через год не вижу его среди живых, — Калиостро не сводил со своего стакана встревоженных глаз. — Нет ли среди вас близких людей господина де Лангля?

— Нет.

— Смерть начнет с него.

Шепоток пробежал между собравшимися.

— А он?.. Лаперуз? Что с ним? — прерывисто спрашивали собеседники.

— О, Лаперуз благополучно высаживается на берег. Проходит год... еще год... плавание благополучно. Приходят известия от него. А после...

— Да, что после?

— Небо затянуто тучами, океан — бескрайняя водная пустыня. Неисследованные земли... Лица, чужие лица, отвратительные образины, напоминающие нам о чудовищах одиссеева плавания... Они подстерегают судно, несущееся среди рифов в тумане. Подводные течения увлекают его... Начинается ураган, вспыхивают огни, предрекающие несчастью. О, Лаперуз, Лаперуз! О, если бы слова мои дошли до твоего слуха, я сказал бы тебе: «Ты желаешь уподобиться Христофору Колумбу, ты жаждешь открыть новые земли. Не следует доверять неизведанным островам!»

Ледяная дрожь сотрясла его слушателей.

Калиостро замолчал.

Как и остальные сотрапезники, граф Гаагский ощущал сильное влияние необыкновенного человека, умевшего по собственной прихоти волновать чужие сердца.

— Почему, почему же вы не предостерегли его раньше? — вскричал граф.

— Увы! — отвечал Калиостро. — Предупреждать кого-либо об опасности бесполезно. Человек не в силах изменить судьбу, особенно если знает ее заранее. Господин Лаперуз? Он просто посмеялся бы надо мной — как смеялся некогда сын Приама над словами Кассандры. Да ведь и вы, граф, смеетесь — и ваше веселье поневоле заражает остальных. И не следует мне возражать, господин де Фавра: никогда еще не доводилось мне встречать слушателей столь недоверчивых.

— В любом случае, — граф Гаагский покачал головой, — я не отнесся бы к предупреждению такого человека, как вы, с прискорбным легкомыслием. Доведись мне услышать: «Опасайся такого-то человека» или «такого-то обстоятельства» — я непременно внял бы предостережению, а советчику сказал «спасибо».

Калиостро лишь грустно покачал головой:

— Ну так отдайте мне такой приказ. Без приказания я ничего не стану делать.

— Что вы имеете в виду?

— Вам стоит лишь повелеть, ваше величество, и я подчинюсь.

— Так повелеваю вам: откройте мне мою судьбу, господин Калиостро, — приказал король. В это мгновение он держался учтиво и вместе с тем по-королевски величаво.

Едва лишь получив дозволение обходиться с «графом Гаагским» как с королем, Ришелье поднялся со своего места, приблизился к монарху, низко склонился перед ним и проговорил:

— Благодарю, государь, за честь, которую вы оказали мне и моему дому. Соблаговолите занять почетное место, ваше величество. Отныне оно не может принадлежать никому, кроме вас.

— Нет, нет, прошу: останемся на прежних местах, дорогой мой маршал. Послушаем лучше, что скажет граф Калиостро.

Калиостро вперил взор в свой стакан. Словно повинувшись его магическому взгляду, вода заколыхалась.

— Что угодно знать государю? — спросил Калиостро. — Я готов отвечать.

— Какая смерть мне уготована?

— Пистолетная пуля, государь.

Лицо Густава просияло.

— Вот как! Смерть воина, в бою. Спасибо, господин Калиостро!

— Нет, государь, не в бою!

— Но как же, в таком случае?

— На балу, государь.

Услышав такое, король Шведский погрузился в глубокую задумчивость.

Калиостро привстал было с места, но тотчас вновь опустился на стул и закрыл лицо руками.

В этот миг господин де Кондорсе протянул руку и взял стакан воды, в котором предсказатель увидел столь зловещую картину. Поднеся стакан к глазам, Кондорсе принялся разглядывать грани стакана и переливающуюся в нем воду.

— Что ж! — выговорил наконец математик. — Стоит и мне, пожалуй, попросить дорогого нашего пророка поговорить со своим

магическим зеркалом о моей скромной персоне. К сожалению, — продолжал он, — я вовсе не властитель, не вельможа, моя жизнь не имеет большого значения.

— Если вам угодно, маркиз, — глухо прозвучал голос Калиостро, — то вы скончаетесь от яда, того самого, который носите в перстне.

— А если я сниму перстень? — перебил Кондорсе. — Если избавлюсь от него?

— Ну так избавьтесь! — раздались голоса.

— Бесполезно, — перебил Калиостро. — Господин де Кондорсе никогда не сделает этого.

— Верно, — опустил голову маркиз, — никогда не сниму я его. И вовсе не ради того, чтобы подыграть судьбе. Некогда Кабанис изготовил для меня яд, представляющий собою твердую субстанцию. Получилось это невольно, случайно, а следовательно — никогда не повторится. Вот почему я не избавлюсь от столь уникального, единственного в мире предмета. Господин де Калиостро может торжествовать.

— Я вовсе не хотел уязвить вас, — голос Калиостро звучал холодно и показал, что желает прекратить этот разговор, по крайней мере, с господином де Кондорсе.

— Не соблаговолите ли предсказать и мне какую-нибудь мирную, приятную кончину? — подал голос маркиз де Фавра.

— Что ж, господин маркиз! — судя по тону Калиостро, его задела ирония, прозвучавшая в словах де Фавра. — Напрасно вы позавидовали этим господам. Даю слово дворянина: то, что ожидает вас, гораздо лучше.

— Лучше? — де Фавра рассмеялся. — Берегитесь: трудно изобрести нечто получше, нежели морская пучина, пуля или яд.

— Отчего же? Остается еще веревка, — заметил Калиостро с самым любезным видом.

— Ого, веревка! Да что вы, собственно, имеете в виду?

— Только то, что вас повесят, — Калиостро уже не мог сдерживаться.

— Во Франции, сударь, дворянам отрубают голову!

— Вам предстоит обсудить это с палачом, — резко ответил Калиостро. — А меня от торгов избавьте.

— Проклятье, я весь дрожу! — подал голос господи де Лоне. — Моих предшественников ожидал поистине печальный жребий. Что будет, если я засуну руку в тот же мешочек? Боюсь, это не сулит мне ничего доброго. — И, обратясь к Калиостро, добавил: — В любом случае, черед за мной. Умоляю, скажите — что меня ждет?

— Ничего нет проще, — кивнул Калиостро, — удар топора. Вам отрубят голову.

Черед был за графиней. Ришелье и Таверне умоляли Калиостро остановиться. Но какая сила удержит женское любопытство!..

— Если вас послушать, граф, — вступила графиня Дюбарри, — так всему миру предстоит умереть насильственной смертью. Нас тут восемь человек, и вы уже приговорили по меньшей мере пятерых. Однако я-то всего лишь женщина, а женщине подобает умереть в своей постели, не так ли?

— Я желаю уточнить, — обернулся к ней Калиостро, — вы задаете мне вопрос или рассуждаете просто так?

Кругом улыбались, и это придало графине мужества. Она сделала над собой явственное усилие:

— Я рискну. Итак, отвечайте, граф: какая смерть ожидает Жанну де Вобернье, графиню Дюбарри?

— Эшафот, сударыня, — мрачно прозвучало в ответ.

— Это шутка? — прошептала графиня. Ее лицо умоляло Калиостро сказать «да».

Однако Калиостро весь погрузился в пророческий транс и даже не заметил этой мольбы.

— Отчего же шутка? — осведомился он. — Подобными вещами я никогда не шучу.

— Для того, чтобы оказаться на эшафоте, я должна кого-то зарезать, убить, словом — совершить преступление. А я со всей очевидностью никакого преступления не совершу. Итак, сознавайтесь: вы пошутили?

— Господи! — не выдержал Калиостро. — Все это не более шутка, нежели прочие мои предсказания.

Графиня разразилась хохотом, в котором звучали истерические нотки.

— Ужасно! — сквозь смех произнесла она. — Какой же вы злюка, оказывается! Ах, маршал! В другой раз выбирайте гостей с более

покладистым нравом, иначе вам больше меня не видать.

— Прошу прощения, графиня, — вмешался Калиостро, — но ведь вы, как и все прочие, именно этого и желали.

— Я? Все прочие?.. Но, по крайней мере, будет у меня время выбрать духовника?

— Напрасный труд, графиня.

— Почему?

— Последним, кто взойдет на эшафот в сопровождении духовника, будет...

— Кто? — прозвучал хор любопытствующих.

— Французский король!

Эти слова вырвались у Калиостро поневоле, и голос предсказателя звучал так глухо, так зловеще и страшно, что собравшимся почудилось, будто ледяное дыхание смерти пронеслось по комнатам. Лед сковал все сердца.

— Кофе, господа! — маршал объявил обед оконченным.

Все начали подниматься с мест.

Калиостро проследовал в гостиную вместе со всеми.

— Минутку! — остановил его Ришелье. — Мы с Таверне — единственные, кого вы не почтили прорицанием, милый чародей.

— Господин де Таверне просил меня не говорить ему ничего, а вы, господин маршал, ни о чем не спрашивали.

— Ну так я задаю вопрос: как я умру?

— Можете быть спокойны, дорогой маршал, — ответил Калиостро. — Вы единственный из всех умрете в своей постели.

— А я повторяю мою просьбу, — воскликнул Таверне. — Я настаиваю на ней!

— В таком случае докажите ваше могущество еще раз: скажите нам с Таверне что-нибудь такое, о чем знаем лишь мы двое и больше никто на свете?

— О чем же? — улыбнулся Калиостро.

— Чем занимается наш добрый Таверне в Версале? Почему не живет спокойно в Мезон-Руж на чудесной земле, которую король подарил ему три года назад?

— Ах, это! Нет ничего проще, — кивнул Калиостро. — Десять лет назад господин де Таверне хотел подсунуть свою дочь, мадемуазель Андре, в постель к королю Людовику XV, но затея провалилась.

— Гм, — проворчал Таверне.

— Сейчас же господин де Таверне желает проделать такую же штуку со своим сыном, Филиппом де Таверне. Он хочет навязать его королеве Марии-Антуанетте. Ну так что, правда это или ложь?

— Вы дьявол во плоти! — Таверне весь дрожал.

— Не следует говорить о дьяволе так дерзко, дорогой друг! — остановил его маршал.

— Ужасно, — прошептал Таверне. Он хотел было попросить Калиостро держать язык за зубами, но тот исчез.

— Идемте скорее в гостиную, Таверне, — маршал взял его под руку. — Не то они выпьют весь кофе без нас. Или нам достанется холодный кофе, что, несомненно, еще хуже.

Но гостиная оказалась пустой: ни у кого из собравшихся не достало мужества вновь взглянуть в глаза ужасному прорицателю. В канделябрах горели свечи. Кофе дымился в кувшине, огонь пылал в камине. И все эти усилия были приложены тщетно — не нашлось никого, кто оценил бы их.

— Клянусь, дружище, придется нам пить кофе с глазу на глаз... Да где же вы? Какого черта? Куда вы подевались?

Маршал Ришелье напрасно звал старика Таверне — тот сбежал вместе с остальными.

— Ну, не беда. — Старый маршал захихикал так, как сделал бы это Вольтер, и потер свои сухие старческие пальцы, униженные перстнями. — Я-то единственный из всех умру в собственной постели. Ха-ха! В своей постели! Ай да граф Калиостро! Уж я-то не буду недоверчив к такому прекрасному предсказанию! В своей постели и еще нескоро! Эй, камердинера сюда и капли.

Явился с флаконом в руке камердинер. Маршал торжественно направился к себе в спальню.

Часть первая

Глава 1

Две дамы в санях

Пока мы приятно проводили время в жарко натопленной, благоухающей духами столовой герцога де Ришелье, мы, разумеется, не видели стоявшую под запертой дверью зиму 1784 года — а между тем этот монстр уже успел сожрать одну шестую часть всей Франции.

Триста тысяч несчастных, умиравших от голода и холода в апреле 1784 года, сбились в кучу в одном только Париже, — в том самом Париже, где ничего не было сделано для того, чтобы помешать беднякам погибать от нищеты.

Король? Он израсходовал все доходы казны на милостыню. Разве не взял он три миллиона, полученные от городских ввозных пошлин, и не употребил их на то, чтобы облегчить участь несчастных? Разве не объявил он, что все государственные нужды должны отступить перед бедствием голода?

Королева? Ее величество пожертвовала пятьсот луидоров из личных сбережений. Монастыри, общественные здания, больницы — все превратилось в приюты. Ворота королевских замков и особняков знати распахивались перед бедняками, которым негде было согреться, разве что у костров, разведенных на перекрестках замерзающих улиц.

Небеса оставались непреклонны к молитвам и изливали снег и лед на несчастных людей. Сугробы загромождали входы в дома, заваливали улицы. Ни сил, ни транспорта не хватало, чтобы расчищать улицы от снежных завалов.

Париж был побежден стихией зимы. Минули декабрь, январь, февраль, март. С наступлением весны случались редкие оттепели, и

тогда Париж заливали океаны грязной воды: в городе не было сточных желобов и водостоков.

Оттепель сменялась холодами, которые продлевали страдания людей.

Кареты передвигались по снежному покрову бесшумно и сделались настоящей грозой пешеходов — ведь теперь люди не слышали их приближения и не могли вовремя отойти в сторону, а порой ледяные завалы и не позволяли посторониться, и тогда бедняги попадали под колеса. Скользя на льду, карета не могла остановиться вовремя.

Париж был переполнен ранеными, больными, умирающими. Сломанные ноги и руки после падения на лед, ребра, пробитые оглоблями... Полиция пыталась помогать по мере сил и накладывала штраф на богачей, которые наезжали своими экипажами на пешеходов. В ту пору, в эпоху правления аристократов, аристократизм проявлялся во всем, даже в управлении лошадьми. Принц крови скакал во весь опор, даже не думая озаботиться криком «поберегись!». Герцог, дворянин, девица из Оперы изволили ездить крупной рысью. Финансист предпочитал рысь, франт правил сам, словно находился на охоте, а позади него обычно стоял жокей, который мог рывкнуть «берегись» только после того, как столкновение уже свершилось, и какой-нибудь несчастный барахтался в грязи.

Вот при каких обстоятельствах — и неделю спустя после вышеописанного обеда — в Париж въехали два санных экипажа. За городской чертой снег еще хранил свою девственную белизну — там его не оскверняли ноги пешеходов. Но в самом Париже сто тысяч ног в час мгновенно пачкали сияющее одеяние зимы.

В головных санях сидели двое мужчин, закутанных в коричневые суконные плащи с двойным воротником; они выглядели едва ли не близнецами и различались лишь тем, что у одного пуговицы были золотыми, а у другого — обшитые шелком.

Во вторых санях находились две женщины; меховые накидки скрывали их до самых глаз.

Они тесно прижимались друг к другу и тихонько переговаривались, не обращая никакого внимания на публику, глазевшую на них, пока сани неслись по бульвару.

Одна, повыше, выглядела более величественной. Она прижимала к губам белый батистовый платок. Ледяной ветер хлестал ее по лицу, но

она продолжала держать голову прямо и твердо.

На церкви Сент-Круа-д'Антен пробило пять. На Париж надвигалась новая ночь, а вместе с ночью шел и холод.

Экипажи приблизились к воротам Сен-Дени.

Величавая дама тронула плечо кучера кончиком пальцев. Сани остановились.

— Вебер, — обратилась к нему дама, — сколько времени вам потребуется для того, чтобы доставить кабриолет в известное вам место?

— Фы взять каприолет? — осведомился кучер. Он говорил с резким немецким акцентом.

— Да. Я намерена возвращаться по улицам. Я желаю видеть костры. Улицы же куда грязнее, чем бульвары, на санях там не проехать. К тому же мне холодно. Вы ведь тоже замерзли, милая? — обернулась дама к своей спутнице.

— Да, сударыня, — отвечала та.

— Вам понятно, Вебер? В известном вам месте. Кабриолет.

— Корошо, матам.

Дама вышла из саней и, подав руку подруге, удалилась. Кучер в отчаянии бормотал себе под нос — стараясь, впрочем, чтобы хозяйка хорошо расслышала его голос:

— Неосторошность! О майн готт, такой неосторошность!

Обе женщины, кутаясь в меха, рассмеялись.

— У вас хорошее зрение, Андре, — произнесла дама, — попробуйте прочесть название улицы вон там, на углу.

— Понт-о-Шу, мадам, — ответила молодая женщина, которой было не более тридцати, тридцати двух лет.

— Что это за улица такая? Боже мой, да мы заблудились! Улица Понт-о-Шу! Второй поворот направо... Странно, Андре, здесь как будто пахнет горячим хлебом? Какой прекрасный запах!

— Ничего удивительного, мы ведь находимся возле лавки булочника.

— Превосходно! Так давайте же спросим у этого доброго человека, где находится улица Сен-Клод.

— Какая улица, Сен-Клод, милые дамочки? — раздался веселый голос. — Вот вы какую улицу ищите? Сен-Клод?

Обе женщины обернулись на голос. В дверях булочной стоял пекарь. Несмотря на ледяной холод, куртка была распахнута на его груди и ноги у него оставались голыми.

— Именно так, друг мой, улица Сен-Клод, — отвечала дама.

— Я вас провожу, — заявил пекарь. Его руки и голая грудь были обсыпаны мукой.

— Не нужно, — сказала дама. Ей не хотелось, чтобы ее заметили с подобным провожатым. — Просто покажите нам, где она находится. Не беспокойтесь за нас: мы будем точно следовать указанию.

— В таком случае, это первая улица направо, — ответил пекарь и скрылся в своей лавке.

Обе женщины быстро зашагали в указанном направлении, пряча лица в меховые муфты.

Глава 2

Таинственный дом

На углу улицы Сен-Клод и бульвара высилось величественное здание, которым она могла бы гордиться, поскольку оно представляло собой нечто вроде аристократического особняка. Впрочем, особняк этот был самым грязным, самым безмолвным, самым заколоченным и брошенным из всех домов квартала.

Присмотримся, однако, к другому дому — высокому и узкому. Перед этим домом имеется крохотный садик, огороженный высокой стеной. Сам же дом, подобный длинной башне, высится в глубине улицы.

Постучим же в дверь и поднимемся по темной лестнице на пятый этаж. На самый последний этаж ведет приставная лестница, прислоненная к стене.

Дверь открыта. Вот мы входим в темную пустую комнату. На окне висит занавеска.

Это лишь прихожая. Дело ожидает нас в соседней комнате, каждая мелочь в которой заслуживает самого пристального внимания.

Простой дощатый пол, грубо выкрашенные двери, три белых кресла, обитые вытертым желтым бархатом, продавленная софа... Кресло явно отслужило свое, оно шатается и норовит пасть на колени. Но вот гость подчинил его своей воле и уселся, и бедная погибающая мебель, раздавленная его тяжестью, испускает жалобные крики.

Внимание вошедшего тотчас же привлекают два портрета на стене. Они освещены таким образом, чтобы любой замечал их в первую очередь: подсвечник на шатком трехногом столике и лампа, зажженная на камине, скрещивают лучи на картинах.

Первый портрет знаком многим и многим. Трудно не узнать это длинное бледное лицо, потускневшие глаза, эспаньолку, опущенную на плиссированный воротник, — разумеется, это Генрих III, король Французский и Польский.

Эту догадку подтверждает и надпись — черные буквы на плохой позолоте: «Генрих де Валуа» — гласит она.

Рама второго портрета позолочена не так давно, да и сама картина написана в ближайшие к нам времена. На ней изображена молодая черноглазая женщина с тонким прямым носом, красивыми скулами и подозрительно сжатыми губами. Прическа — точнее, грандиозное сооружение из волос и шелка — громоздится на ее голове. Шапочка Генриха III по сравнению с этим подавляющим великолепием подобна кротовому холмику рядом с пирамидой фараона.

Такими же черными буквами портрет подписан: «Жанна де Валуа».

Читатель уже увидел потухший камин, бедные занавеси над кроватью, покрытой зеленым, пожелтевшим от старости покрывалом. Теперь читателю, несомненно, будет любопытно: какое отношение имеют эти портреты к обитателю шестого этажа, куда нужно взбираться по приставной лестнице?

Достаточно повернуться к столику: опершись на него рукой, некая молодая женщина просматривает письма.

Она — оригинал одного из портретов.

Рядом с ней восседает крохотная старушка-горничная, одетая как дуэнья с картины Греза. Она наблюдает, смотрит и ждет.

Неужели молодая дама — Жанна де Валуа? Но что же, в таком случае, делает здесь Генрих III, плиссированный красавчик, сластолюбец и сибарит? Как только выносит он зрелище такой невыносимой нищеты, в которой, к тому же, живет молодая женщина, и не просто женщина, но родственница его по крови?

Дама с шестого этажа вовсе не скрывала своего происхождения. Ее внешность свидетельствовала о том громче всяких слов: маленькие руки, изящные ножки в бархатных — все еще кокетливых — туфельках. Время от времени она дула на озябшие пальцы и грела их под мышками.

Взяв в руки конверт и прочитав очередной адрес, она что-то быстро подсчитывала.

— Госпожа де Мизери, — бормотала она, — фрейлина, ведающая одеванием ее величества. Тут можно рассчитывать луидоров на шесть — от нее я уже кое-что получила... Далее, госпожа Патрике, горничная ее величества, — два луидора. Господин д'Ормесон — аудиенция. Господин де Калон — совет. Господин де Роган — визит... Итак, —

заклучила молодая женщина с легким смешком, — у нас набирается верных восемь луидоров на неделю. И три из них я должна отдать у нас в квартале.

Она покусала кончик пальца.

— Теперь — луидор на поездки из Версаля в Париж и из Парижа в Версаль. Целый луидор. — И она аккуратно внесла эту цифру в колонку расходов. — На жизнь остается луидор... Что остается? Туалеты, фиакры, чаевые швейцарам тех домов, куда я хожу с просьбами, — четыре луидора. И всё? Мало! Пересчитаем-ка еще раз, вдруг я где-нибудь ошиблась.

Внезапно она отбросила перо.

— Звонят, Клотильда!

Старуха побежала в переднюю спрашивать, кто пришел, а ее госпожа, проворно, точно белка, прыгнула на софу и застыла там в смиренной позе страдающего существа, которое покорилося своей печальной судьбе.

Из передней доносился тихий шепот.

Затем приятный, нежный, но вместе с тем властный голос произнес:

— Здесь живет ее сиятельство графиня де Ламотт?

— Да, сударыня, да только совсем хворает и не может выйти.

«Больная» бросила быстрый взгляд в зеркало и там увидела женщину, разговаривавшую с Клотильдой. Судя по всему, гостья принадлежала к высшему сословию.

Жанна тотчас поднялась с софы и пересела в кресло: почетное место следовало освободить для незнакомки.

Тем временем гостья повернулась ко входу и обратилась к кому-то другому, кто до сих пор скрывался в тени:

— Входите, сударыня, это здесь.

Дверь закрылась, и обе незнакомки, которых мы видели разговаривающими с пекарем и спрашивающими, как пройти на улицу Сен-Клод, — очутились в обители графини де Ламотт-Валуа.

— Как прикажете доложить о вас? — осведомилась Клотильда. Она подняла подсвечник, стараясь рассмотреть лица вошедших.

— Скажите, пришли из благотворительного общества, — отвечала старшая.

— Из Парижа?

— Нет, из Версаля.

Клотильда направилась к своей госпоже, обе незнакомки последовали за ней и вошли в комнату как раз в тот самый миг, когда Жанна де Валуа с нарочитым усилием поднялась из кресла и как можно более любезно приветствовала посетительниц.

Глава 3

Жанна де Ламотт

Скромно подняв глаза, Жанна де Ламотт внимательно рассматривала вошедших. Она пыталась понять, с кем имеет дело.

Старшей было, как уже говорилось, лет тридцать, может быть, тридцать два; она была на удивление хороша собой, однако высокомерное выражение лица в немалой степени лишало ее очарования. Во всяком случае, такой вывод сделала Жанна.

Эта дама уселась в кресло и устроилась в углу, подальше от света лампы. Капюшон, опущенный на лоб, скрывал черты ее лица. Но даже этот капюшон не мог скрыть гордой осанки и живости блестящих глаз гостыи.

Ее спутница держалась куда менее скрытно. На вид ей было лет двадцать пять, и она вовсе не прятала свою красоту под накидкой.

Жанна де Валуа очень осторожно осведомилась — какая счастливая звезда привела под ее скромный кров столь блистательных посетительниц?

Женщины обменялись быстрым взглядом, и старшая сделала младшей знак отвечать.

— Сударыня! — начала та. — Я обращаюсь к вам «сударыня», поскольку вы, я полагаю, замужем?

— Я имею честь состоять в супружестве с графом де Ламоттом.

— Мы — патронессы одного из благотворительных учреждений. Некие господа полны сочувствия к вашему положению, сударыня. От них мы узнали нечто, что крайне нас заинтересовало. Вот почему нам необходимо выяснить у вас кое-какие детали.

Жанна выдержала паузу и лишь после этого ответила.

— Перед вами, как вы видите, портрет Генриха III — моего предка. Вам, несомненно, передали, что в жилах моих течет кровь Валуа.

Она снова замолчала, поглядывая на посетительниц с гордым смирением. Своим видом Жанна давала понять, что ожидает дальнейших расспросов и готова ответить на все.

Спокойный голос старшей дамы прервал тишину:

— Правду ли нам сообщили, что ваша матушка служила привратницей в особняке Фонтен недалеко от Бар-сюр-Сен?

Щеки Жанны залила краска.

— Это правда, сударыня, — сказала она тотчас.

— Вот оно что, — молвила дама.

— Мать моя, Мари Жозель, отличалась изумительной красотой, — добавила Жанна. — Поэтому отец мой полюбил ее и сочетался с нею браком. По отцу я благородного происхождения. Сударыни, отца моего звали Сен-Реми де Валуа, прямой потомок королей Валуа.

— Как же случилось, что вы оказались в столь бедственном положении?

— Разумеется, вам известно, что после того, как корона перешла к дому Бурбонов, у нашей семьи появилось еще несколько отпрысков — разумеется, в силу изменившихся обстоятельств, вполне безвестных. Тем не менее все они имели отношение к четверем братьям, чья смерть отмечена печатью рока.

Жестом расспрашивавшая дама дала понять, что понимает, о чем идет речь.

— Итак, — продолжала Жанна, — потомки Валуа, несмотря на всю свою незначительность, все же боялись вызвать преследование нового царствующего дома. Поэтому они сменили имя Валуа на Реми — так называлось их поместное владение. Начиная со времен Людовика XIII на генеалогическом древе все Валуа значатся как Реми — и так продолжается вплоть до предпоследнего из Валуа, моего предка. Он увидел, что новая династия вполне утвердилась на троне, а древняя — позабыта. Поэтому он счел своим долгом сохранить славное имя Валуа — к тому времени это было единственным его достоянием. Он вновь принял родовую фамилию и носил ее, оставаясь в безвестности и бедности, прозябая в провинциальной глуши. При французском дворе никому и в голову не пришло, что вдали от трона влачит жалкое существование потомок древних королей. А ведь то были самые славные и самые несчастные властители Франции.

Жанна умолкла.

Ее манеры, простые и скромные, были замечены обеими посетительницами и произвели на них приятное впечатление.

— Итак, ваш отец скончался? — спросила младшая.

— Да, сударыня.

— В Париже?

— Да, сударыня.

— Он скончался от болезни?

— Нет, сударыня. Барон де Валуа, правнук Генриха III, мой отец, умер от голода, нищеты и лишений.

— Здесь, на этой квартире?

— Нет, — отвечала Жанна, — не в этой убогой лачуге, и не на своей постели, какой бы убогой она ни была. Его смертный одр находился подле одров еще более несчастных, еще более страждущих бедняков. Мой отец умер в Парижской больнице.

Обе посетительницы не смогли сдержать сочувственных возгласов.

— Я уже имела честь сообщить вам, что брак моего отца считался мезальянсом, поскольку мать моя была простой привратницей, — продолжала Жанна. — Что ж, Мари Жозель, поступила как привратница. Вместо того, чтобы испытывать любовь и признательность к тому, кто изъясил ее из бедности и приблизил к себе, она разорила моего отца. Впрочем, это было нетрудно. То немногое, чем обладал ее муж, было брошено к ее ногам, а требования моей матери были ненасытны. Ему пришлось распродать все свои имения, до последнего клочка земли. После этого она убедила его ехать в Париж и отстаивать свои права. В конце концов, он — Валуа! Соблазнить отца оказалось совсем просто. Может быть, впрочем, он и сам надеялся на справедливость. Обратив в деньги то немногое, что у него еще оставалось, отец мой покинул провинцию.

Кроме меня, он имел еще сына и дочь. Мой брат сейчас в армии — боюсь, в удачливости он может сравниться с моим отцом! Моя бедная сестра была оставлена в доме одного крестьянина, своего крестного. Отец не взял ее с собой в Париж.

На поездку были истрачены последние деньги. Наконец отец устал от бесплодных поисков справедливости. Нечасто видели мы его дома, а видели здесь одну лишь нищету. Пока отец отсутствовал, мать направила всю свою злобу на меня. Ее жестокое сердце требовало срывать на ком-то дурное настроение.

И вот отец мой заболел. Он перестал выходить из дома, затем не вставал больше с постели. Мать запретила мне входить к нему. Она говорила, что моя беготня и шум, который я поднимаю, утомляют больного. И вот, пока отец не видел, мать научила меня говорить одну фразу. Она вбивала в меня эту фразу побоями и попреками, пока я накрепко не затвердила требуемое. Инстинктивно не желала я запоминать эти унижительные слова... Глаза мои были красны от слез, и мать выставила меня на улицу. Она велела подойти к первому же встречному, у кого я замечу доброе лицо, и сказать то, чему она меня научила. Иначе, мол, она избьет меня до смерти.

— Да что же это была за фраза? — не выдержала старшая дама.

— «Сударь, пощадите бедную сиротку, в жилах которой течет кровь Генриха Валуа», — проговорила Жанна с гордостью унижения.

— Какая мерзость! — воскликнула старшая посетительница.

— Какое же действие вызывала эта фраза у прохожих? — поинтересовалась младшая.

— Боже мой, да именно такое, на какое рассчитывала моя мать. Я приносила домой милостыню, и мой отец получал возможность отдалить неизбежное — больницу для бедных.

На глазах женщин показались слезы.

— Но в конце концов я взбунтовалась, — продолжала Жанна. — Я не стала бегать больше за прохожими и приставать к ним с этой проклятой затверженной фразой. О, я знала, что таким образом я приношу отцу некоторое облегчение, но я больше не могла заниматься ремеслом нищенки. Я просто просидела на тумбе целый день. Горе раздавило меня. Я вернулась с пустыми руками, и мать, как и обещала, избивала меня до полусмерти. Отца отвезли в больницу, где он скончался.

— Ужасно! — прошептала старшая дама.

— Как же вы жили после смерти отца? — спросила младшая.

— О, мне повезло: через месяц мать сбежала со своим любовником, каким-то солдатом. К счастью, меня и брата она бросила на произвол судьбы.

— Так вы остались сиротами?

— Сиротами — при живой матери. Нас взяла под свое крыло общественная благотворительность. Просить милостыню для нас было

тягостно, поэтому мы довольствовались самым малым. Бог вложил в свои творения желание жить и страх смерти.

— Увы, это так.

— Что прибавить к уже сказанному, сударыня? Однажды на моем пути явилась большая карета, которая медленно поднималась к Сен-Марсельскому предместью. Это была богатая карета, четверо лакеев на запятках и красивая молодая дама внутри. Я протянула руку, умоляя дать мне немного денег. Дама остановила карету и принялась расспрашивать меня. Мое имя поразило ее в самое сердце, но поначалу она не могла в это поверить. Тогда я сообщила ей адрес приюта. На следующий день она уже знала, что я говорила правду. Тогда она забрала нас к себе, меня и брата. Брата она отправила в армию, меня — в швейную мастерскую. Так мы были спасены от верной гибели.

— Это была госпожа де Буланвилье?

— Именно.

— Кажется, она умерла?

— Ее смерть толкнула меня в бездну!

— Но ведь супруг госпожи де Буланвилье жив, богат и процветает!

— Именно господин де Буланвилье стал причиной страданий моей юности — подобно тому, как мать моя была причиной страданий моего детства. Возможно, в юные годы я была хороша собой, и это бросилось ему в глаза. За свои благодеяния он желал получить с меня плату, но я отказалась платить... Госпожа де Буланвилье к тому времени умерла, я вышла замуж за господина де Ламотта, отважного, преданного долгу офицера... И оказалась в разлуке с мужем. После смерти моей благодетельницы я осталась еще более одинокой, нежели после смерти моего несчастного отца.

Такова моя история. Страдания скучны и слушать о них тягостно, поэтому я постаралась быть краткой. Не следует утомлять подобными повествованиями людей счастливых, особенно если они пришли к тебе с добрыми намерениями.

После этой фразы наступило длительное тяжелое молчание.

И снова заговорила старшая дама:

— Чем же занят ваш муж?

— Он находится в гарнизоне Бар-сюр-Об, служит в жандармерии. Как и я, он живет ожиданием лучших времен.

— Вы ходатайствовали при дворе?

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ